Как работать с трудным заказчиком

– Тогда я еще был мелким подрядчиком. Строил планетки в разных концах вселенной, и редко когда подворачивался заказ на карликовую звезду. Получить работу было не так-то просто, да и заказчики всегда крутили носом, ко всему придирались и подолгу тянули с платежами. В те времена угодить заказчикам было ой как трудно: они цеплялись к каждой мелочи. *Переделайте это, переделайте то; почему вода течет с холма вниз; слишком большая сила тяготения; нагретый воздух поднимается, когда он должен опускаться.* И тому подобные бредни.

В тот период я был довольно наивен. В каждом случае я подробно объяснял, какими эстетическими и деловыми соображениями руководствовался. Вскоре на объяснения стало уходить больше времени, чем на саму работу. Эта болтовня меня буквально засосала. Я понимал, что необходимо как-то положить этому конец, но ничего не мог придумать.

Однако спустя какое-то время – непосредственно перед тем, как я приступил к строительству Земли – в моем сознании начала оформляться идея совершенно нового принципа взаимоотношений с заказчиками. Я вдруг поймал себя на том, что бормочу под нос такую фразу: «Форма вытекает из функции». Мне понравилось, как она звучит. Но потом я спросил себя: «А почему форма вытекает из функции?» И ответил на это так: «Форма вытекает из функции потому, что это непреложный закон природы и одна из основных аксиом прикладной науки». На слух мне это словосочетание тоже понравилось, хоть в нем и не было особого смысла.

Но смысл тут ровно ничего не значил. Важно было то, что я сделал открытие. Совершенно случайно я открыл основной принцип искусства рекламы и умения подать товар лицом. Я изобрел новую остроумную систему взаимоотношений с заказчиками, сулившую огромные возможности. А именно: доктрину научного детерминизма. Впервые я испытал эту систему, когда выстроил Землю, – вот почему эта планета навсегда врезалась мне в память.

Однажды ко мне явился высокий бородатый старик с пронизывающим взглядом и заказал планету. (Так началась история вашей планеты, Кэрмоди.) Ну, с работой я управился быстро – кажется, дней за шесть – и думал, что на этом все закончится. То была очередная ординарная планета, которая строилась по заранее утвержденной смете, и, признаюсь, кое в чем я подхалтурил. Но вы бы послушали, как разнылся новый владелец – можно было подумать, что я украл у него последнюю корку хлеба.

«Почему так много бурь и ураганов?» – допытывался он. «Это входит в систему циркуляции воздуха», – объяснил я ему.

На самом же деле я просто забыл поставить противоперегрузочный клапан.

«Три четверти поверхности планеты покрыты водой! – не унимался он. – А я ведь ясно указал, что соотношение суши и воды должно быть четыре к одному!» – «У нас не было возможности выполнить это условие!» – отрезал я.

Я потерял бумажку с его дурацкими указаниями – больше мне делать нечего, как вникать в детали этих нелепых проектов мелких планет!

«А те жалкие клочки суши, которые мне достались, вы почти сплошь покрыли пустынями, болотами, джунглями и горами». «Это живописно», – заметил я. «Плевать я хотел на живописность! – загремел тот тип. – О конечно, один океан, дюжина озер, две реки, один–два горных хребта – это прелестно. Украшает планету, благотворно действует на психику жителей. А вы мне что подсунули? Какие-то ошметки!» – «На то есть причина», – сказал я.

Между нами говоря, мы не получили бы с этой работы никакой прибыли, если б не поставили на планете реставрированные горы, не использовали две пустыни, которые я по дешевке приобрел на свалке у межпланетного старьевщика Урии, и не заполнили пустоты реками и океанами. Но ему я это объяснять не собирался.

«Причина! – взвизгнул он. – А что я скажу своему народу? Я ведь поселю на этой планете целую расу, а то даже две или три. И это будут люди, созданные по моему образу и подобию, а ни для кого не секрет, что люди привередливы точь-в-точь как я сам. Так, спрашивается, что я им скажу?»

Я-то знал, на что он мог бы сослаться, но мне не хотелось затевать с ним скандал, поэтому я сделал вид, будто размышляю над этой проблемой. И, представьте себе, я действительно призадумался. И меня осенила великолепная идея, перед которой померкли все остальные.

«Вам нужно внушить им одну простую истину, – произнес я. – Скажите им, что, с точки зрения науки, если что-то существует, значит оно *должно* существовать». – «Как, как?» – встрепенулся он. «Это детерминизм, – пояснил я, тут же с ходу придумав это название. – Суть его довольно проста, хотя некоторые нюансы доступны лишь избранным. Начнем с того, что форма вытекает из функции; отсюда один только *факт существования* вашей планеты говорит за то, что она не может быть иной, чем она есть. Далее – мы исходим из того что наука неизменна; следовательно, все, что подвержено изменениям, не есть наука. И наконец, последнее: все подчиняется определенным законам. В этих законах, правда, не всегда разберешься, но можете не сомневаться, что они существуют. Поэтому вместо того, чтобы спрашивать: *«Почему вот это, а не то?»*, – каждый должен интересоваться только тем, *«как то или это функционирует»*.

.....

Но я постарался извлечь из этой истории хороший урок на будущее. Теперь, мальчики, слушайте меня внимательно. В науке полным-полно всяких правил, ибо, изобретая ее, я так задумал. А почему, спрашивается, я изобрел ее именно такой? Да потому, что эти правила – великое подспорье для ловкого дельца, такое же, как обилие законов для адвоката. Правила, доктрины, аксиомы, законы и принципы науки существуют для того, чтобы помочь вам, а не чинить препятствия. Для того, чтобы вам было чем обосновать свои деяния. Значительная часть их более или менее соответствует истинному положению вещей, и это упрощает их применение.

Но зарубите себе на носу, что назначение этих законов помочь вам объяснить заказчикам, что вы создаете, – но только *после того, как вы создали*. Получив заказ, выполняйте его, как найдете нужным; потом подгоните законы к результату своей работы, но ни в коем случае не наоборот.

И еще запомните: эти законы являются словесным барьером, который ограждает вас от тех, кто задает вопросы. Но они не должны стать преградой для вас. Если вы что-нибудь почерпнули из моего рассказа, вам теперь понятно, что невозможно объяснить, почему мы что-то создаем так, а что-то эдак. Мы просто создаем – и все, иногда удачно, иногда нет, раз на раз не приходится.

И никогда даже самим себе не пытайтесь объяснить, почему случается одно, а не другое. Не донимайте никого вопросами и расстаньтесь с иллюзией, что такое объяснение существует. Вы меня поняли?

Оба ассистента усиленно закивали головами. Вид у них был просветленный, как у людей, только что принявших новую веру. Кэрмоди готов был биться об

заклад, что оба добросовестных молодых человека твердо запомнили каждое слово своего шефа и постепенно возведут его наставление... в закон.

(Роберт Шекли. Планета по смете. Рассказ о сотворении Земли)